

І. Ө. Прокоповичъ.

Въ своемъ качествѣ духовнаго лица Прокоповичъ не скупился на тексты. Онъ ссылается на слова апостола Петра: „Повинитесь всякому человѣчу созданію Господа ради: аще Царю яко преобладающу: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, по отмщенію убо злодѣемъ, похвалу же благотворцемъ. Яко тако есть воля Божія, благотворящимъ обуздovati безумныхъ человѣкъ невѣжество“. Не забываетъ онъ, конечно, и знаменитыхъ словъ апостола Павла: („Учителя народовъ“): „Всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть“¹⁾.

Чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно того, какого именно повиновенія властямъ требуетъ апостолъ, Прокоповичъ поясняетъ, что „не ради страха, но и за совѣсть повиноватися долженствуемъ“. Затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на то, какъ старательно отстаиваетъ апостолъ Павелъ царскую власть: „Реклъ бы еси, что отъ самого Царя посланъ былъ Павелъ на сію проповѣдь, такъ прилѣжно и домогательно увѣщаваетъ аки млатомъ толчетъ, тожде паки и паки повторяетъ“. Но христіане не должны думать, будто Павелъ хотѣлъ угодить предержавшимъ властямъ: „не тождесловіе тщетное се, по данной бо себѣ премудрости учить, не ласкательство се; ни человѣкоугодникъ бо, но избранный сосудъ Христовъ глаголетъ; но да чувственныхъ и бодрыхъ христіанъ сотворить, и да не попустить ниже мало дремати всѣмъ, такъ подвижно долбеть. И молю всякаго разсудить, чтобъ вящше могль рещи самый вѣрнѣйшій министръ царскій?“²⁾.

Но оказывается, что вѣрнѣйшій министръ царскій могъ бы „рещи“ и другое. Такъ думаетъ, повидимому, самъ Прокоповичъ, потому что, не довольствуясь доводами отъ писанія, онъ выдвигаетъ въ защиту царской власти еще доводы отъ естественнаго права. И замѣчательно, что наиболѣе выдающійся публицистъ эпохи Петра ссылается на естественное право раньше, нежели на писаніе; недаромъ ревнителі православія считали его малонадежнымъ богословомъ.

„Вопросимъ первѣе, самаго естества нашего, что намъ скажетъ о семъ; ибо кромѣ писанія, есть въ самомъ естествѣ законъ

¹⁾ „Слово въ недѣлю двѣтнюю о власти и чести царской, яко отъ самого Бога въ мірѣ учинена есть, и како почитати Царей, и онымъ повиноватися люди должны; кто же суть, и коликій имѣть грѣхъ противляющійся имъ“. (Слова и Рѣчи, I, стр. 249—250.)

²⁾ Тамъ же, стр. 250—251.

отъ Бога положенный", говорить онъ. Естественные законы требуютъ отъ насъ, чтобы мы любили и боялись Бога, охраняли свою жизнь, не дѣлали другимъ, чего не желаемъ себѣ, почитали своихъ родителей и т. п. О существованіи этихъ законовъ свидѣлствуетъ наша совѣсть. Но къ ихъ числу принадлежить и тотъ, который предписываетъ намъ подчиненіе предержавшей власти. Больше того: это—самый главный изъ нихъ: „Ибо понеже съ стороны одной велить намъ естество любить себѣ, и другому не творити, что намъ не любо, а съ другой стороны злоба рода растлѣннаго разоряти законъ сей не сумнится: всегда и вездѣ желателенъ былъ стражъ и защитникъ, и сильный поборникъ закона, и той есть державная власть“¹⁾.

Это не весьма убѣдительно, такъ какъ отъ желательности стража, защитника и сильнаго поборника закона, еще очень далеко до необходимости деспотизма, завѣщаннаго московскими царями первому всероссійскому императору и еще болѣе утвержденному этимъ послѣднимъ. Теофанъ говорить, что если бы кто-нибудь былъ лишенъ защиты со стороны стража и поборника закона, то люди очень скоро дали бы ему понять, какъ худо жить безъ власти. На это можно опять возразить, что власть власти рознь, и что польза приносимая властью еще не доказываетъ преимущества самовластия. Какъ человѣкъ, несомнѣнно очень умный, Прокоповичъ, вѣроятно, и самъ болѣе или менѣе смутно сознавалъ слабость этого довода. Поэтому онъ напелъ нужнымъ подкрѣпить его повѣстью о Вейдеутѣ, „первомъ прусскомъ и жмудскомъ властелинѣ“. Страдая отъ внѣшнихъ враговъ и отъ собственныхъ междоусобій, народъ, еще не бывшій подъ властью Вейдеута, обратился къ нему за совѣтомъ, какъ быть. Вейдеутъ сказалъ: „вамъ жилось бы хорошо, если бы вы не были глупѣе своихъ пчелъ“. Народъ, разумѣется, этого не понялъ, и тогда мудрецъ такъ пояснилъ свою мысль: „пчелы, малыя и безсловесныя мухи, имѣютъ Царя, вы же человѣцы не имѣете“. Теперь все стало понятно, и мысль Вейдеута такъ понравилась народу, что тотъ немедленно сдѣлалъ его своимъ государемъ. Эта ребяческая повѣсть тоже совсѣмъ не убѣдительна. Но довольный ею краснорѣчивый проповѣдникъ не долго останавливается на ней; онъ спѣшитъ вернуться назадъ и повторять, что весь міръ свидѣлствуетъ о томъ, до какой степени нужна власть. Послѣ этого онъ считаетъ вопросъ окончательно исчерпаннымъ. „Извѣстно убо имама,—возвѣщаетъ онъ,—яко власть верховная отъ самаго естества начало и вину приѣмлетъ“. Теперь

1) Тамъ же, стр. 245, 246.

ему остается только перейти отъ естественнаго права къ бого-словію. Переходъ изъ одной области въ другую совершается съ помощью того соображенія, что естественный законъ написанъ въ сердцахъ людей Богомъ, создателемъ естества. Воля Бога и посягается ссылками на писанія, въ родѣ указанныхъ мною выше.

Приводя примѣры изъ исторіи церкви, Прокоповичъ указываетъ на то, что христіане считали себя обязанными повиноваться даже языческимъ царямъ. Тѣмъ болѣе обязательно повиновеніе царямъ христіанскимъ. Но свѣтскіе подданные Петра кажутся ему болѣе склонными къ повиновенію, нежели духовенство. И вотъ, онъ находитъ нужнымъ остановиться на вопросѣ объ отношеніи духовной власти къ свѣтской.

Есть люди,—и ихъ, по словамъ Прокоповича, много,—которые думаютъ, что священство и монашество не обязано подчиняться царю. Нашъ проповѣдникъ энергично возстаетъ противъ этого мнѣнія. Онъ восклицаетъ: „Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, Папѣжскій се духъ“¹⁾.

Прокоповичъ утверждаетъ,—и это одна изъ самыхъ любимыхъ его мыслей,—что духовенство не должно составлять государства въ государствѣ. Оно имѣетъ свое особое дѣло, подобно тому, какъ имѣютъ его военные люди, гражданскіе чиновники, врачи, разнаго рода художники. Имѣя особое дѣло, духовенство составляетъ особый чинъ въ государствѣ. Но какъ и всѣ другіе чины, оно обязано покоряться „державнымъ властямъ“. Это ниже подтверждается ссылкой на писаніе: „устроенъ Богъ Моисея вождемъ быти Израілю, егда посылаетъ его къ фараону и придаетъ въ помощь Аарона, на священство намѣреннаго, заповѣдуетъ Моисею, да будетъ въ Бога Аарону“; левиты всегда подчинялись израильскимъ царямъ; самъ Господь (т.-е. Иисусъ) „даде властямъ данъ отъ себе“ и т. д. и т. д.²⁾.

Въ своемъ огромномъ большинствѣ духовенство, особенно великорусское, было противъ Петровской реформы. Петръ и его единомышленники боялись, что оно станетъ толкать народъ на открытое сопротивленіе преобразованіямъ. Они еще не знали, до чего лишена была наша духовная власть всякой возможности, а оттого и всякой склонности вступать въ рѣшительную борьбу со свѣтской властью. Духовенство въ своей оппозиціи реформѣ не пошло дальше тѣхъ выходовъ, которыя иногда позволялъ себѣ въ своихъ проповѣдяхъ брызгливый мѣстоблюститель патриаршаго престола. „Папезскаго“ взгляда на политическую власть

¹⁾ Тамъ же, стр. 257.

²⁾ Тамъ же, стр. 258.

у нашего духовенства не было и быть не могло. Въ дѣйствительности оно уже давно составляло не болѣе, какъ особый чинъ въ государствѣ: чинъ „государевыхъ богомольцевъ“. Но такъ какъ въ дѣятельности Петра еще ярче, нежели въ дѣятельности его предшественниковъ, выразилось стремленіе русскихъ государей совершенно подчинить себѣ своихъ богомольцевъ, то естественно, что при немъ большее, чѣмъ прежде, число „большихъ бородъ“ (его собственное выраженіе) было недовольно. Съ недовольными легко справлялись не только въ царствованіе энергичнаго Петра, но и въ царствованіе его гораздо менѣе энергичныхъ преемниковъ: „ребеллиантами“ они никогда не становились. Но для „ученой дружины“ очень характерно то обстоятельство, что она, не только въ лицѣ Прокоповича, безусловно осуждала всякую оппозицію „большихъ бородъ“.

„Ученость“ этой „дружины“ существенно отличалась отъ учености московскихъ столповъ церкви. Большія бороды въ лучшемъ случаѣ были свѣдущими начетчиками, т.-е. обладали извѣстнымъ запасомъ начитанности въ области религіозной литературы. О сколько-нибудь серьезномъ, научномъ или философскомъ образованіи этихъ благочестивыхъ людей не могло быть и рѣчи. Но люди, въ родѣ Прокоповича, Татищева, Кантемира, обладали значительнымъ образованіемъ. Извѣстно, что Прокоповичъ изучалъ въ Римѣ свѣтскую литературу, исторію и философію. Датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, познакомившійся съ нимъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, далъ о немъ слѣдующій интересный отзывъ:

„Этотъ превосходный человѣкъ по знаніямъ своимъ не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говорить, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго,—и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ“ ¹⁾.

Другой иностранецъ, Рибейра,—католическій монахъ и, стало быть, человѣкъ скорѣе предубѣжденный противъ Прокоповича,

---

¹⁾ Цит. у П. Морозова: „Геофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“, стр. 392. (Сравни также И. Чирикова, назв. сочиненіе, стр. 627—628.) Г. П. Морозовъ поправляетъ свидѣтельство фонъ-Гавена, замѣчая, что изъ иностранныхъ языковъ Прокоповичъ зналъ только итальянскій и польскій.

не разъ рѣзко отыгивавшагося о католикахъ въ своихъ проповѣдяхъ и книгахъ,—говорить: „Если его слѣдуетъ порицать за что-либо, такъ это за его религіозныя убѣжденія, если онъ ихъ вообще имѣетъ. Его бібліотека, открытая для ученыхъ, значительно превосходитъ императорскую и бібліотеку Троицкаго монастыря; по своему богатству она не имѣетъ себѣ равныхъ въ Россіи, странѣ, бѣдной книгами“¹⁾.

Какъ видимъ, испанскій монахъ Рибейра не былъ увѣренъ, что у Прокоповича были какія-нибудь религіозныя убѣжденія. Русское же духовенство упрекало его въ непростительной слабости къ протестантизму. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: міросозерцаніе Прокоповича въ значительной степени свободно было отъ византійской окраски, которая такъ высоко цѣнилась московскими начетчиками. Въ этомъ міросозерцаніи былъ силенъ тотъ свѣтскій элементъ, который и возбуждалъ неудовольствіе „большихъ бородъ“. Сохранился анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ архіереевъ хотѣлъ обличить передъ Петромъ Теофана въ грѣховномъ пристрастіи къ музыкѣ.

Согласно доносу архіерея, Прокоповичъ не только самъ наслаждался музыкой, но и угощалъ ею иностранныхъ министровъ („нехристей“). Петръ сказалъ доносчику: „хорошо, поѣдемъ, батюшка, къ нему съ тобою и увидимъ, правда ли то“. Подѣхавъ къ дому грѣшника, они дѣйствительно услышали звуки музыки. Дальше пусть рассказываетъ лицо, сохранившее этотъ анекдотъ.

„Государь съ архіереемъ вошли въ собраніе. Случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина; но увидя Государя, далъ знать, чтобы музыка замолкла и, поднявъ руку, громогласно произнесъ: се женихъ грядетъ въ полночи и блаженъ рабъ, его же обряцетъ бдяща, недостоинъ же, его же обряцетъ унывающа. Здравствуй, всемилостивѣйшій Государь! Въ ту же минуту подносится всѣмъ присутствующимъ по такому же бокалу вина, и всѣ пьютъ за здоровье его величества. Государь, обратившись къ сопровождавшему его архіерею, сказалъ: „ежели хотите, то можете остаться здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду съ столь пріятной компаніей“²⁾.

Доносчикъ-архіерей, вѣроятно, имѣлъ очень жалкій видъ, когда возвращался домой, оставивъ Петра въ „пріятной компаніи“ Теофана Прокоповича и его иностранныхъ гостей. Теофанъ тоже дослужился до высокаго духовнаго сана: онъ былъ сна-

¹⁾ П. Морозовъ, тамъ же, стр. 393.

²⁾ Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. XV, стр. 212; цит. у Чистовича, назв. соч., стр. 628—629.

чала псковскимъ, а потомъ новгородскимъ архіереемъ. Но, при своемъ образованіи и при своихъ привычкахъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, совсѣмъ неуютно чувствовалъ себя въ духовной средѣ. Уже одного этого было достаточно, чтобы побудить его принять сторону Петра въ его борьбѣ съ оппозиціей духовенства.

Во взглядахъ другихъ членовъ „ученой дружины“ свѣтскій элементъ былъ еще сильнѣе, нежели во взглядахъ Прокоповича. Какъ мы это скоро увидимъ, Татищевъ былъ сильно предубѣжденъ противъ духовенства. Нѣкоторые подозрѣвали его въ „аеизмъ“. Самъ Теофанъ, поддерживавшій съ нимъ пріятельскія отношенія, смущался подчасъ его „злорѣчіемъ“ по адресу нѣкоторыхъ священныхъ книгъ ¹⁾. Весьма понятно, что при такомъ отношеніи къ духовенству, „ученая дружина“ не расположена была ставить его выше другихъ „чиновъ“ въ государствѣ.

Менѣе понятно то, что Прокоповичъ, при всемъ своемъ образованіи, сумѣлъ выставить въ пользу самодержавія лишь очень мало убѣдительные доводы. Не возвращаясь болѣе къ его „Слову о власти и чести царской“ и къ др. „Словамъ“, я отмѣчу здѣсь еще одно его соображеніе въ пользу абсолютизма, заключающее въ себѣ сущность всѣхъ остальныхъ.

Оно было высказано Прокоповичемъ уже по смерти Петра и сводится вотъ къ чему: „Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь иное владѣніи правило воспріиметь, содержаться ему въ цѣлости и благодати отнюдь не возможно“ ²⁾.

Соображеніе это такъ же бѣдно теоретическимъ содержаніемъ, какъ и доводы московскихъ людей, въ началѣ XVII в. отстаивавшихъ передъ полякомъ Маскѣвичемъ преимущество деспотизма. Однако оно поучительно именно крайней убогостью своего теоретическаго содержанія. Его убогость показываетъ, что не западная наука, а тогдашняя російская дѣйствительность побуждала Прокоповича отстаивать самодержавіе. Дѣйствительность эта привела „ученую дружину“ къ тому убѣжденію, что самой надежной опорой ея просвѣтительныхъ стремленій является рука склоннаго

---

¹⁾ Одинъ изъ споровъ съ Татищевымъ далъ Теофану поводъ написать разсужденіе: „О книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣсанъ пѣсаней“. (И. Чистовичъ, назв. сочин., стр. 613—614.)

²⁾ Это соображеніе высказано Прокоповичемъ въ его описаніи „затѣйка“ верховниковъ. Мы еще вернемся къ этому описанію, когда будемъ говорить о „затѣйка“. Оно напечатано въ приложеніи къ сдѣланному Д. Языковымъ переводу „Записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго“, Спб., 1845 г. Приводимое мною соображеніе Прокоповича находится на стр. 919.

къ просвѣщенію государя. Не въ интересахъ „ученой дружины“ было вырывать изъ этой руки чудотворный „Пруть Моисея“.

Разумѣется, дѣло тутъ не въ однихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ. При Петрѣ I „порода“ давала дорогу въ слугѣ („чину“). При Петрѣ II порода сдѣлала попытку вернуть хоть нѣкоторыя потерянные ею позиціи. Положеніе „ученой дружины“ сдѣлалось тогда весьма затруднительнымъ. Къ этому времени относится полное грусти поэтическое, — т. е., точнѣе, лишь болѣе или менѣе поэтическое, — произведеніе Теофана: „Плачеть пастушокъ въ долгомъ ненастїи“. Оно недурно выражаетъ тогдашнее настроеніе нашихъ просвѣтителей. Теофанъ жалуется:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, многобѣдно ¹⁾ мое счастье;
Хотя-жъ малую явить отраду
И поманить,
И будто нѣчто польготить стаду
Да обманеть.

Находясь въ такомъ положенїи, оставалось уповать лишь на то, что со временемъ опять воцарится лицо, умѣющее надлежащимъ образомъ употреблять въ дѣло „Моисеевъ Пруть“. Понятно, поэтому, что Прокоповичъ и его единомышленники всѣми силами должны были противиться всякимъ попыткамъ такъ или иначе укоротить чудотворный инструментъ.

На „Моисеевъ Пруть“ возлагали большія надежды даже французскіе просвѣтители второй половины XVIII столѣтія, т. е. люди, воспитавшіеся въ исторической обстановкѣ, мало похожей на русскую. Вѣра въ просвѣщенный деспотизмъ была сильна и широко распространена во все продолженіе того вѣка. Вольтеръ умѣлъ говорить прекрасные комплименты государямъ-„философамъ“. Говаривалъ ихъ и даже Дидро, не рожденный для роли друга царей.

¹⁾ Какъ малороссъ, Прокоповичъ произносилъ: многобѣдно. Выраженіе „пастушокъ“, какъ кажется, вѣрнѣе употреблялось тогда нашими духовными для обозначенія пастыря церкви. Пекарскій (Наука и литература, I, стр. 368, 370) приводитъ стихотвореніе, написанное въ честь Петра I валдайскимъ священникомъ Михаиломъ и подписанное: „Пастушокъ Михаилъ валдайскій“. Тотъ же источникъ указываетъ, что въ своихъ письмахъ къ Петру Яворскій часто подписывался: „Стефанъ—пастушокъ рязанскій“.

Но мы уже знаемъ, что русскій абсолютизмъ значительно отличался отъ западно-европейскаго. Такъ какъ Петровская реформа не только не уничтожила отличительныхъ чертъ русскаго соціально-политическаго строя, а напротивъ, довела ихъ до крайности, то русскимъ сторонникамъ просвѣщеннаго деспотизма пришлось мириться съ такими приемами управленія, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ просвѣщеніемъ. Петру принадлежитъ выраженіе: „мы—новые люди во всемъ“. Но въ управленіи онъ сохранилъ очень много стараго. И какого! Если страшный Ромодановскій, по его собственному выраженію, умывался кровью въ Преображенскомъ, то это было совершенно въ духъ Петровскаго царствованія. Теофанъ Прокіповичъ прекрасно зналъ о кровавыхъ расправахъ царя и... разрѣшалъ его,—какъ превосходно замѣтилъ г. П. Морозовъ,—„на вся“. И не только съ кровавыми расправами надо было мириться русскимъ поклонникамъ „Моисеева Прута“; расправамъ предшествовали доносы; и новые доносы вырастали въ процессъ расправъ. А такъ какъ всякое положеніе имѣетъ свою внутреннюю логику, то вождю „ученой дружины“ пришлось самому упражняться въ доносахъ, разбиравшихъ въ застѣнкѣ. Въ борьбѣ со старо-церковной партіей,—особенно въ мрачную эпоху Дирина,—нашъ „пастушокъ“ показалъ, что онъ обладалъ не только весьма пушистымъ лисьимъ хвостомъ, но также и очень острыми волчьими зубами. „Священниковъ и монаховъ какъ мушекъ давили, казнили, разстригали,—говоритъ одинъ позднѣйшій проповѣдникъ, вспоминая объ этой эпохѣ,—непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ—куды? зачѣмъ? священниковъ, монаховъ и благочестивыхъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозятъ... Была година темная“. П. Морозовъ, у котораго я заимствую эти слова позднѣйшаго проповѣдника, прибавляетъ къ нимъ: „главнымъ дѣятелемъ этой темной годины былъ Теофанъ“¹⁾. Отводя Теофану первое мѣсто, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду сферу церковнаго управленія. Однако для характеристики вождя „ученой дружины“ достаточно первенства въ дѣлѣ сыска и жестокихъ расправъ хотя бы и въ одной только сферѣ.

Конечно, „благочестивые люди“, такъ сильно страдавшіе отъ просвѣщеннаго „пастушка“, сами ровно ничего не имѣли ни противъ сыска, ни противъ застѣнка... если могли воспользоваться ими для своихъ цѣлей. И не только ничего не имѣли противъ нихъ, но и на самомъ дѣлѣ прибѣгали къ нимъ въ борьбѣ съ тѣмъ же Прокоповичемъ. Они, въ свою очередь, заставили его

¹⁾ Назв. соч., стр. 357.

пережить много тяжелыхъ минутъ. Но вѣдь то были сторонники застоя, а Прокоповичъ, вмѣстѣ со всей „ученой дружиной“, стремился впередъ, хотѣлъ распространять просвѣщеніе!

Г. П. Морозовъ превосходно выяснилъ, что отвратительные поступки Прокоповича подсказывались ему строгой логикой его положенія.

„Признавая дальнѣйшее развитіе Россіи возможнымъ только въ томъ направленіи, какому онъ былъ всецѣло преданъ, и какое было дано Петромъ, слѣдовательно, исходило отъ правительства, Теофанъ является безусловнымъ сторонникомъ правительства, хотя бы даже бироновскаго. Во всѣхъ его разсужденіяхъ этого времени видно развитіе силлогизма: мѣропріятія Петра Великаго имѣли цѣлью народное благосостояніе; эти мѣры не отмѣнены, а напротивъ, охраняются правительствомъ; слѣдовательно, Россія благоденствуетъ; утверждать противное могутъ только „свербоязычные буесловцы“, которыхъ слѣдуетъ уничтожить, какъ враговъ государства. Роль официальнаго публициста, взятая на себя Прокоповичемъ,—роль, которой онъ не покидалъ до конца своей жизни, не допускала иной линіи разсужденій. Достаточно вспомнить, что въ самую блестящую эпоху его дѣятельности ни одного печатнаго листа не выходило безъ высочайшаго повелѣнія, ни о какой гласности, кромѣ официальной, не было и рѣчи, а „обмѣнъ мыслей“ происходилъ только въ Преображенскомъ приказѣ,—достаточно вспомнить все это, чтобы понять, почему Теофанъ Прокоповичъ не могъ разсуждать иначе“ 1).

Теперь я попрошу читателя вникнуть въ слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди противника Прокоповича, Степана Яворскаго, произнесенной еще въ 1708 г.

Выше мнѣ уже приходилось ссылаться на эту проповѣдь. Яворскій тоже выступалъ въ ней защитникомъ Петровской реформы. Но здѣсь для насъ интересно то, что и Яворскій, не одобрявшій многихъ дѣйствій Петра, настойчиво и по-своему образно предостерегалъ Россію отъ всякой мысли о сопротивленіи власти государя.

„Нагружай корабли различными товарами и въ различныхъ государствахъ куплю дѣйствуй, продавай, купи, богатися,—гремятъ онъ, обращаясь къ Россіи,—только блюди, мати моя, блюди, раю мой прекрасный, полаущихъ змievъ, то-есть бунтовщиковъ, которые по подобію змія райскаго на зло подуцають и шепчуть въ уши неосторожныхъ, глаголюще: никакоже умрете,

1) Назв. сочин., стр. 360.

Феофанъ Прокоповичъ.